

Раздался короткий звонок.

Вэнь Цзинь мнелся на пороге, судорожно сжимая в руках пакеты с подарками для родителей Сюй Сичжоу.

В голове крутилась только одна тревожная мысль: как к ним теперь обращаться? Семь лет он звал их мамой и папой. Сразу переучиваться казалось странным, но ведь они с Сичжоу развелись. Продолжать вести себя как ни в чём не бывало? Наглость. Подумают ещё, что он набивается в родственники.

Дверь открыла тётушка Лю — старая прислуга, проработавшая в доме семьи Сюй много лет. Семь лет назад, когда Вэнь Цзинь впервые переступил этот порог, встречала его именно она. Прошло семь лет, брак распался, а тётушка Лю всё так же кротко и преданно служила этому дому. Разве что заметно постарела: в морщинках у глаз затаилась усталость.

Увидев Вэнь Цзиня, она на мгновение застыла. Тёплая улыбка на её лице погасла, взгляд стал сочувственным и неловким. Вэнь Цзинь сразу понял: она уже в курсе их развода.

Ни он, ни Сюй Сичжоу не стали бы делать из этого тайну. В конце концов, шила в мешке не утаишь.

— Тётушка Лю, — привычно улыбнулся Вэнь Цзинь.

— А-Цзинь! Входи, входи, — поспешно засуетилась она. — Госпожа с господином и молодой хозяин уже давно тебя ждут.

Вэнь Цзинь обомлел:

— Брат Сичжоу тоже здесь?

Тётушка Лю вздохнула:

— Говорят, молодой хозяин скоро уезжает во Францию. Вот и решил навеститься перед отъездом. Надо же, как совпало, что и ты пришёл.

— Вот как... — Вэнь Цзинь нервно сжал пальцы.

О своём визите он предупредил бывших свекра и свекровь ещё вчера. Вэнь Цзинь рассчитывал спокойно поговорить с ними, объяснить и попрощаться раз и навсегда. Но если здесь Сичжоу... многие слова теперь застрянут в горле.

Разворачиваться и уходить поздно. К тому же из глубины дома уже раздался радостный голос матери Сюй Сичжоу:

— А-Цзинь пришёл! Скорей, входи, милый!

Глубоко вздохнув, Вэнь Цзинь сжал кулаки и перешагнул порог.

Обед уже был готов: стол ломился от изысканных блюд, по залу разносился аппетитный аромат.

Вэнь Цзинь и не подозревал, что до его прихода все трое сидели в гостиной с мрачными, натянутыми лицами. И лишь услышав звонок, поспешно нацепили подобие улыбок и направились в столовую.

Едва войдя, Вэнь Цзинь лоб в лоб столкнулся взглядом с Сюй Сичжоу. Вэнь Цзинь лишь неловко кивнул, выдавив из себя жалкое подобие улыбки.

Взгляд перескочил на родителей Сичжоу, и у Вэнь Цзиня перехватило дыхание. Привычные «мама» и «папа» комом встали в горле. Не будь здесь Сичжоу, он, возможно, по инерции поддался бы иллюзии. Но под этим пристальным взглядом самообман был бы простым унижением.

Проглотив подступившую горечь, Вэнь Цзинь мягко улыбнулся старшим:

— Дядя, тётя.

Обращение прозвучало вежливо и отстранённо — совсем как в тот самый первый день, когда он только переступил порог этого дома. Вот только теперь к чуждости примешивалась давящая, стыдная неловкость.

В просторной столовой воцарилась мёртвая тишина. Родители Сюй Сичжоу замерли в оцепенении.

Даже сам Сичжоу вскинул глаза. Его взгляд — непроницаемый, темный, как ночная глушь, — вьелся в Вэнь Цзиня, будто пытаясь выжечь его душу дотла.

Слишком давно Вэнь Цзинь не произносил этих чужих слов.

Семь лет назад он тоже сперва пытался звать их так. Но мама Сюй и Сичжоу тогда мягко, с шутками и уговорами, буквально в первый же вечер заставили его произнести «мама» и «папа». Родители Сичжоу сияли от счастья и потом каждому встречному хвастались, что у них появился ещё один сын.

А Сичжоу тогда со смехом поддел его:

— Раз назвал мамой и папой — значит, теперь ты наш родной. Обратно пути нет!

Вэнь Цзинь от смущения не мог вымолвить и слова. Влюблённый до безумия, потерявший голову от счастья, он лишь покраснел и послушно кивнул. И с тех пор ни разу не изменил этому слову. До сегодняшнего дня.

Но раз они расстались... какой смысл и дальше цепляться за эту иллюзию?

У матери Сюй Сичжоу покраснели глаза. Она ничего не сказала, лишь с трудом сдерживая дрожь, подступила ближе и ласково погладила Вэнь Цзиня по плечу.

— Хороший мой... садись за стол. Поешь с дороги, — сдавленно прошептала она.

Сглотнув слёзы, Вэнь Цзинь тихо кивнул:

— Хорошо.

Прежде они с Сичжоу всегда сидели бок о бок. Но теперь, ощущая неловкость своего положения, оба словно по негласному уговору опустили на стулья по разные стороны стола. Отец Сюй посмотрел на них, хотел что-то сказать, но лишь тяжело вздохнул и промолчал.

Никогда ещё трапеза в этом доме не была столь тягостной и молчаливой. Ни Вэнь Цзинь, ни Сичжоу практически не притронулись к еде. Да и у старших кусок в горло не лез. Тётушка Лю, наблюдавшая за ними от кухонной двери, лишь скорбно качала головой.

Едва Вэнь Цзинь отложил палочки, мать Сичжоу переглянулась с мужем и, выжав из себя кроткую улыбку, обратилась к витавшему в облаках гостю:

— А-Цзинь... как успехи в школе? Всё в порядке?

Вэнь Цзинь натянуто улыбнулся:

— Да, всё хорошо. Ученики уже сдали экзамены, так что теперь у меня передышка.

Мама Сюй кивнула и как-то слишком неестественно спросила:

— А ты... продолжишь там преподавать?

Взгляд Вэнь Цзиня потускнел, но голос остался ровным и спокойным:

— Я подал заявление об увольнении. Скорее всего, уеду из Наньчэна.

— Что?!

Этим решением он будто оглушил присутствующих.

Из дрогнувших пальцев матери Сюй чуть не выпали палочки.

— Уволился?! Но почему? Тебе же так нравилось! Неужели в школе кто-то обидел? Зачем же уезжать?

Вэнь Цзинь не ожидал такой бурной реакции. Неловко замнувшись, он выдавил:

— Нет-нет, в школе всё было прекрасно. Просто... хочу в этом году съездить к дяде и маме, встретить с ними Новый год. А потом найду другую работу. Но здесь, скорее всего, не останусь.

— И куда же ты отправишься?! — в отчаянии воскликнула мать Сичжоу. — Разве можно вот так, в один миг всё бросить?!

Вэнь Цзинь судорожно сжал пальцы. Глаза застлали слёзы. Потупившись, он с трудом вытолкнул из себя признание, на которое так долго собирался с духом:

— Вы же... знаете... Мы с братом Сичжоу развелись. Если я останусь в Наньчэне... это будет слишком тяжело.

— Да почему тяжело-то?! — перебила мать Сичжоу, напрочь забыв о сдержанности. Она сжала его ладони в своих. — А-Цзинь! Мы с отцом всегда считали тебя родным сыном!

Вэнь Цзинь вздрогнул. Грудь сдавило так, будто невидимая исполинская лапа сжала внутренности, не давая сделать даже глоток воздуха. Горечь заполнила всё его существо.

Он не знал, что ответить. И ни за что на свете не посмел бы сейчас поднять глаза на сидящего напротив Сюй Сичжоу.

Поняв его метания, мама Сюй ласково погладила его по голове. Голос её звучал мягко, с нежной материнской теплотой:

— Я понимаю, вы развелись, и тебе неловко перед нами. Но при чём тут мы с отцом? Ты столько лет звал нас мамой и папой! Для нас ты навсегда останешься сыном. Если на душе

тяжело, если обидел кто — рассказывай нам! А-Цзинь, мы же знаем, какой ты славный мальчик. Не нужно из-за вашего разрыва сторониться нас.

Вэнь Цзинь не сдержался. Слезы канули из глаз, окропляя сжатые колени. Низко опустив голову, он прошептал сквозь всхлипы:

— Спасибо вам... Мне не обидно, правда. Я просто... боюсь стать обузой. Боюсь этой неловкости.

— Да какая ещё обуза!..

— Раз он не хочет, не заставляйте.

Ледяной голос Сюй Сичжоу мгновенно отсёк слова матери.

— Сичжоу! Ты что такое говоришь?! — гневно осадила сына мать и тут же вновь повернулась к Вэнь Цзиню, пытаясь успокоить.

Вэнь Цзинь лишь судорожно сжимал пальцы. Дыхание сбилось, дрожащие ресницы облепили слезы. Он понимал: сейчас любое его слово будет лишним.

— А-Цзинь, не слушай его. Ну и пусть его нет рядом, у тебя всё равно есть мы! — Мать Сюй сочувственно гладила его по согнутой спине.

Вэнь Цзинь зажмурился. Спустя долгую паузу он едва слышно пробормотал с вымученной улыбкой:

— Простите меня...

И сам не знал, к кому обращается — к старшим или к Сичжоу.

— За что просить прощения? Мы же семья, — с болью проговорила она, глядя его по волосам.

Вэнь Цзинь молчал, не поднимая глаз. Он знал: мама Сюй желает ему только добра. Да и Сичжоу цепляет его не из чистой злобы.

Когда-то он остался в Наньчэне только ради Сичжоу и его родителей. Но его решение уехать зрело давно. Ещё в детстве он мечтал вырваться на свободу, уйти как можно дальше. Может, потому, что в детские годы светлых дней у него почти не было, и он надеялся найти счастье где-то там, за горизонтом. А может, просто устал от знакомых улиц и не хотел снова переживать прошлые ошибки.

Теперь, когда их браку пришёл конец, его уход был лишь разумным, логичным шагом.

— Я уволился не из-за брата Сичжоу. И не потому, что мне плохо здесь жилось, — заговорил Вэнь Цзинь. Голос его звучал на удивление ровно, беззащитно и кротко. — Вы ведь знаете... я вырос в глухой деревне и толком не видел мира. Мне просто хочется посмотреть, что там, дальше...

Он сделал паузу, переведя дыхание:

— Я пришёл сегодня, чтобы попрощаться. Спасибо вам... и дяде Сюй. Вы заботились обо мне столько лет. Благодаря вам я узнал, каково это — иметь настоящих родителей.

«Но то, что никогда мне не принадлежало, всё равно не удержать».

— Простите меня... Мне совершенно нечем вас отблагодарить. Но где бы я ни оказался, я никогда не забуду вашей доброты. Вы — лучшие люди из всех, кого я встречал...

Он привык просить прощения. В такие минуты извиниться казалось единственным правильным решением.

Ведь он уходит. Не оправдал их надежд. Вся его жизнь — сплошное разочарование для окружающих.

Отец давно поставил на нём крест. Сичжоу тоже устал от него. А теперь и эти замечательные, добрые люди неизбежно разочаруются в нём.

Когда Вэнь Цзинь замолчал, у родителей Сичжоу уже блеснули слёзы. И лишь сам Сюй Сичжоу сидел неподвижно, с каменным лицом глядя на бывших супругов. Его темный, тусклый взгляд веял таким холодом, что у Вэнь Цзиня сжималось сердце.

— А-Цзинь, не проси прощения... — Мать Сюй больше не могла сдерживать слёз. — Если ты чувствуешь, что так будет лучше, если это принесёт тебе покой... ступай. Иди туда, куда рвётся твоё сердце.

Вэнь Цзинь не поднимал головы. Сквозь пелену слез он видел, как капли падают на его брюки, оставляя темные расплывчатые пятна на тонкой ткани.

У него не было сил встречаться взглядом с кем-либо из них. Слишком много разочарований он принёс в их жизнь. Повторения этой боли он просто не переживёт.

Остаться здесь дольше стало невыносимо. Вэнь Цзинь боялся, что с трудом сдерживаемые чувства вырвутся наружу. Боялся, что Сичжоу догадается, как сильно он на самом деле не

хочет уходить.

Как больно расставаться с ним, с его родителями, с «Вайвай»... как жаль этого неудавшегося, погибшего брака.

Сичжоу ни в коем случае не должен догадаться. Жалобы и цепляния лишь вызовут у него ещё большее отвращение.

Время истекло. Дальнейшее присутствие лишь усугубляло давящую неловкость. Вэнь Цзинь уже собрался произнести финальные слова прощания, как вдруг раздался ледяной, отчуждённый голос:

— Развёлся со мной — и сразу не терпится сбежать на край света?

Эти слова прозвучали с тяжестью тупого клинка, упавшего на дно глубокого озера. Вэнь Цзинь болезненно сжался. За этим уколом мгновенно последовала волна всепоглощающей, пронизывающей до костей тоски.

Прежняя боль померкла перед этой внезапной, леденящей жестокостью.

Вэнь Цзинь опешил. Растерянно вскинув взгляд, он встретил чужие, яростные и одновременно холодные глаза. Это был совершенно незнакомый Сюй Сичжоу. За все годы их отношений Сичжоу впервые злился на него вот так — открыто, не скрывая гнева, бросая в лицо суровые упрёки.

Прежде во время размолвок Сичжоу, чувствуя подступающий гнев, всегда уходил в сторону, искал способ остыть. Он никогда не позволял себе пугать Вэнь Цзиня.

Но сейчас он сбросил всю сдержанность. На его лице застыла маска отчуждения, точно перед ним стоял посторонний, чужой человек, но в этом взгляде сквозила давящая, опасная угроза.

— Я не... — попытался оправдаться Вэнь Цзинь.

«Я не пытаюсь сбежать от тебя».

Он просто не мог видеть себя такого — жалкого, никчёмного. Они из разных миров. Теперь, когда брак расторгнут, их пути всё равно разойдутся. Так не лучше ли сгнить, не мозолить Сичжоу глаза? Уйти в тень и, как в пятнадцать лет, из дальнего угла молча любить его. Смотреть, как он добивается высот, как сияет на публике... и как постепенно отдаёт свое сердце кому-то другому.

Но Сичжоу и слушать не хотел. Оказывается, в гневе он бывает таким — беспощадным,

ледяным, заставляющим трепетать от ужаса.

— Чего «не»?! — Сичжоу резко поднялся, возвышаясь над ним, и чеканил каждое слово с тяжелой, давящей яростью. — Развод — это моё желание или твоё?! Вэнь Цзинь, я и представить не мог, что ты окажешься настолько бессовестным! Ты клялся, что будешь любить Сюй Сичжоу всю жизнь, и ты же вынудил меня подписать бумаги!

— Сичжоу! Что ты творишь?! — Отец Сюй, поражённый этой внезапной вспышкой, вскочил, забыв о привычной сдержанности.

— Вэнь Цзинь! Ну же, ответь! Ты всегда так поступаешь! И что мне теперь делать?! Скажи, когда я заговорил о разводе, ты ведь с облегчением вздохнул?! Ну так что, теперь ты доволен?! Рад?!

Сичжоу даже не взглянул на отца. В его сорвавшемся голосе отчаяние захлёстывало ярость.

— Сичжоу, замолчи! Как ты смеешь так разговаривать с А-Цзинем?! — закричала мать, с покрасневшими от гнева и боли глазами.

Но пламя, копившееся годами, уже вырвалось на свободу. Его невозможно было потушить.

Вэнь Цзинь всё так же сидел за столом. Со стороны могло показаться, будто он абсолютно равнодушен.

На самом деле он просто оцепенел. Он был слишком труслив и беспомощен, чтобы противостоять Сичжоу. В детстве отец часто твердил матери: «Из Вэнь Цзиня ничего путного не вырастет. Не жди, что он поступит в университет или выбьется в люди. Пусть сидит тише воды, ниже травы».

И он действительно вырос таким. Бесполезным, ни на что не годным. Отец в конце концов бросил его, избавился как от лишней обузы.

— Это всё моя вина... Прости.

Глупый, никчёмный, он не умел находить правильные слова. Только и мог, что извиняться.

Он подвёл Сичжоу, предал его чувства. Он был слишком неповоротлив и так и не научился понимать, почему Сичжоу злится. Он был слишком слаб, чтобы крикнуть: «Останься!», и в итоге потерял всё.

— Я... я больше не приду.

Дрожа всем телом, Вэнь Цзинь неловко поднялся со стула. Голос прерывался от ужаса.

Много лет назад, накануне выпускных экзаменов, родной отец подстерег его у школьных ворот. Тогда Вэнь Цзинь чувствовал себя точно так же.

Жалкий, испуганный клоун, которому ушат ледяной воды затушил последние надежды. Он уходил прочь под презрительные взгляды толпы.

Зеваки, не знавшие правды, слушали чужие сплетни и тыкали ему в спину пальцами:

— Вот он! Отец последние копейки отдавал на его учебу, а этот подлец ещё и денег с него трясет! Ни стыда, ни совести. И зачем только в университет поступал, бездарь?!

— Да захудалый у него вуз, толку-то! Моя сестра окончила престижный, и то еле работу нашла!

— Ну понятно, всё ждёт, когда родители на шею посадят.

— Маменькин сынок.

Те слова вонзились в сердце ядовитыми шипами. Долгое время Вэнь Цзинь изводил себя вопросами: «В чём я виноват? За что меня все ненавидят? Почему отворачиваются?»

Что ж, если он так всем мешает — он уйдёт. Исчезнет и больше не будет никого беспокоить.

Наньчэн в этом году оглушительно тих.

«Господин мой, вы стоите в самом центре света, на недостижимой высоте. Вам ни к чему моё робкое сияние и ненужная любовь. Я переоценил свои силы, всё испортил и разрушил...

И тем самым погубил вас.

— Вэнь Цзинь»